

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

С.И. Скороходова

ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ «ЧИСТЫХ СЛАВЯНОФИЛОВ» И В.В. РОЗАНОВА (некоторые аспекты)

Аннотация. В статье рассматривается отношение В.В. Розанова к классическому славянофильству, которое актуально в современное время как важный исток самобытной русской философской традиции с её ориентацией прежде всего на философско-историческую и антропологическую проблематику. Особое внимание уделяется критическому подходу Розанова к их наследию, связанному со спецификой его антидогматического философского мышления, стремящегося рассмотреть одно и то же явление с разных сторон. Однако, несмотря на критику, философ, по мнению автора, признавал глубинную правду основных идей представителей «московской школы», которые, по его мнению, «суть Руси». Автор также подробно рассматривает скрытые созвучия в творчестве славянофилов и Розанова, связанные прежде всего с наличием общих ключевых категорий («жизнь», «вера», «любовь», «творчество», и пр.), а также общих тем: патриотизм, семья, русский народный характер, аскетизм и нищенство как главные воспитательные средства народа, упование не на юризм, а на милость и пр. При осмыслении наследия отечественных философов применён контекстуальный анализ, использован личностный подход, который предполагает, что философские теории, концепции, учения, идеи не могут быть отчуждены и адекватно поняты вне контекста духовной и практической жизни их создателей. При рассмотрении и анализе философии истории Розанова и славянофилов используется диалогическая парадигма, которая предполагает сопоставление их идей. На основе анализа источников делается вывод о том, что творчество представителей «московской школы» органичная часть философских построений Розанова. При этом выявляется, что, хотя в философии славянофилов и Розанова были общие категории, понимались они по-разному. Сделан вывод о том, что, благодаря, безусловно, существовавшему единому интеллектуальному контексту, стал возможен непрерывный диалог Розанова со славянофилами, в котором дополнялись и корректировались идеи представителей «московской школы» в соответствии с личным опытом философа, созвучного пульсу эпохи Серебряного века.

Ключевые слова: «московская школа», славянофилы, Серебряный век, Розанов, Хомяков, Киреевский, вера, жизнь, пол, русский характер.

Review. The article discusses the attitude of V. V. Rozanov to the classical Slavophilism that today grows important as an essential source of the original Russian philosophical tradition with its focus primarily on the philosophical-historical and anthropological issues. Special attention is paid to Rozanov's critical approach to their heritage as a result of Rozanov's antidogmatic philosophical thinking when Rozanov examines the same phenomenon from different angles. However, despite the criticism, the philosopher acknowledged the deep truth of the main ideas of the representatives of the "Moscow school", who in his opinion represented "the essence of Russia". The author also studies the hidden similarities in the works of Slavophiles and Rozanov, primarily related to the presence of the common key categories ("life", "faith", "love", "creativity", etc), as well as the common themes such as patriotism, family, Russian national character, asceticism and poverty as the main educational tool of the people, the hope for mercy, etc. but not juridism. When analyzing the heritage of Russian philosophers, the author of the article has applied the contextual analysis and personal approach assuming that philosophical theories, concepts, doctrines and ideas cannot be alienated and adequately understood outside the context of spiritual and practical life of their creators. When carrying out the review and analysis of Rozanov's philosophy of history and Slavophiles the researcher has used the dialogical paradigm that involves comparison of their ideas. Based on the analysis of the sources, the author concludes that the work of the representatives of the 'Moscow school' was an organic part of Rozanov's philosophical constructs. It is stated that although there were common cat-

egories and terms in the philosophy of Slavophiles and Rozanov's philosophy, those categories and terms were defined differently. The conclusion is that their common intellectual context allowed a continuous dialogue between Rozanov and Slavophiles where the ideas of the representatives of the 'Moscow school' were completed and adopted in accordance with the personal experience of the philosopher and in tune with the Silver Age.

Keywords: Russian character, faith, Kireevsky, Homjakov, Rozanov, Silver Age, Slavophiles, 'Moscow school', life, gender.

*«Сам так весь и горю. Ведь тоже славянофил.
Ну, «с оттенками».*

Бурлю. Кто же из русских не бурлит?».

(В.В. Розанов)

В статье «Славянофильство» в «Розановской энциклопедии» В.А. Фатеев приводил разнородные высказывания В.В. Розанова по поводу этого течения русской мысли, не поясняя при этом, о каком именно типе славянофильства идёт речь. Между тем в статье «Схема развития славянофильства» философ выделял несколько его видов: славянофильство образов, ожиданий, кафедры, толпы, слов, «по недоразумению» и пр. [см.: 1, с. 2101-2114]. Все «виды» славянофильства, действительно, имеют общий нерв – особый патриотический настрой, но при этом существенно различаются между собой. В настоящей статье речь пойдёт о московском славянофильстве, которое философ называл «чистым» [2, с. 520]. К славянофилам этого типа Розанов относил, помимо И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, братьев К.С. и И.С. Аксаковых, Ю.Ф. Самарина, ещё М.Н. Каткова и С.А. Рачинского. Первым славянофилом он назвал Е.А. Баратынского.

В своих работах философ писал как о «чистом» славянофильстве в целом, так и об отдельных его представителях. И.В. Киреевского Розанов считал родоначальником славянофилов. К нему у философа было особое отношение, так как он считал, что от Киреевского пошли русские одиночки, а от Герцена – русская «общественность». «Есть «две сладости: реальная, земная; и другая – какая-то явно не земная, грустная, одинокая, отвергнутая... Но тем пуще сладкая, сладчайшая» [1, с. 2102-2114]. Киреевский, а «за ним вся линия славянофилов в самом деле сочинили какое-то «священное писание» в русской литературе, «естественно, не читаемое...», потому что «алтарей так мало, а площадей так много» [3].

К Хомякову Розанов относился более критично. К его личности и творчеству Розанов обращался четыре раза: в 1904, 1910, 1912 и 1916 гг. [см.: 4-12]. Причём, как отметили исследователи (С.Б. Джимбинов, А.В. Ломоносов), отношение его к этому столпу славянофильства менялось. В студенческие годы

Розанов получал стипендию Хомякова, учреждению которой способствовал ещё Самарин. До 1905 г. Розанов, как считали исследователи, сохранял остатки студенческого либерализма, поэтому критиковал Хомякова. Он уличал его в исторической неправде, в «воровато-гносном тоне», сухости и пр. По мнению Джимбинова, именно революция 1905-1907 гг. привела Розанова к переосмыслению наследия Алексея Степановича и признанию его заслуги гениально объяснять русскую жизнь. Всё было бы так просто, если бы Розанов до 1905 г. отзывался о «чистом славянофильстве», к которому относился и Хомяков, исключительно отрицательно. Однако в работах конца XIX в. содержатся настолько глубокие характеристики этого течения русской мысли, что говорить о непонимании его значения Розановым до 1905 г. было бы ошибочно (например, «Европейская культура и наше отношение к ней», «Черта характера Древней Руси» и пр.). И здесь мы подходим к необходимости разговора об особенностях философского мышления Розанова, которое, как иногда кажется, «разрывается на части» (Д. А. И).

Можно согласиться с С.Р. Федякиным, что Розанов – один из самых трудно поддающихся толкованию мыслителей рубежа XIX – XX вв. Федякин объяснил разнообразие подчас противоречивых суждений философа об одном и том же предмете тем, что Розанов – «органический мыслитель», что он с разных точек зрения смотрит на одно и то же явление, но все эти разные точки зрения имеют одну общую глубинную основу – «музыку мыслей», «музыку души», о которой он много раз писал. Любопытно, что Киреевский тоже считал, что в глубине философской системы должна лежать «внутренняя сила», «сокровенная музыка», сопровождающая все движения души человека [13, с. 306]. Философ слышал её в себе: «Какая-то музыка в душе, беспричинная, золова музыка, не связанная ни с какой мыслью» [14, с. 94]. Знаменитая самопротиворечивость Розанова «вызвана не отсутствием твёрдой основы для его суждений, но глубинностью этой основы» [15, с. 13-14]. На поверхности явления как бы удаляются от своего остова, искажая первоисток и вступая в противоречие с друг с другом, но в глубине – музыка, «невывявленная сущность мира»,

«в-себе-сущность, во всей её нетронутой чистоте и несказанности» [16, с. 253; см. также: 17, с. 30-31].

Розанов, как справедливо отметил Федякин, находится в вечном споре с самим собой, его философское творчество «насквозь диалогично», его философская оптика многоярусна [см.: 15, с. 15].

Мне кажется, Розанов – гениальный художник-импрессионист, улавливающий в жизненном потоке каждого мгновения бытия полутона и оттенки, но, в отличие от импрессионистов, прозревающий сквозь хаотичные «паутинки бытия» что-то нетленное, незыблемое, твёрдое. «Мелочи», как пылинки в разное время суток, меняют свои оттенки в зависимости от разных точек зрения, с которой философ смотрит на них. Но всё-таки «миломётное», пёстрое неразрывно сопряжено с вечным. Какие-то его высказывания лежат на поверхности, какие-то – уходят вглубь и касаются самой сути. Когда философ пишет о славянофильстве с «накладными волосами и вставными зубами», он, безусловно, «бурлит». Но когда он говорит, что московское славянофильство вечно как любовь русского к России, что оно – «алтарь» русской мысли, что оно органично, не изобретено, не придумано, но философски открыто, и прочее, то всё это выходит из «глубокой задумчивости» его души, где нет уже места ускользающей паутинки впечатлений и страстей, где всё спокойно и полно смысла. И иногда даже умолчание «становится одним из важнейших способов выражения... «полумыслей» и «получувств»» [15, с. 21]. Читатель должен угадать нечто между строк: подвергаю яростной критике, потому что дорого, потому что болит, как заноза, и пр. Ведь проблема остаётся: истины, высказанные славянофилами, по мнению философа, – это вопли Кассандры, совершенно лишённой каких-либо средств убедить тех, кто над ней смеялся, в своей правоте. В современное время, писал Розанов в предреволюционную эпоху, смеётся над ними только тот, кто ничего не понимает и ничего не способен видеть.

Думаю, что Розанов, несмотря на критику, всегда чувствовал в славянофильском учении глубинную правду, которая «светлее солнца». «Пётр и Иван Киреевские, Серафим Саровский, – ... они СУТЬ Руси...» [18, с. 146], – писал Розанов в «Мимолётном». Он называл представителей «московской школы» лучшими гражданами, Мининами и Пожарскими: Россия не рождала лучших сынов, чем этих «просвещённых патриотов» [1, с. 2108]. В то время, как в XIX в. образованное большинство употребило свой талант на то, чтобы не оставить ни одного

не проплёванного местечка в России, представители «московской школы» остались «истинными» патриотами, которые не забывали своих братьев за рубежом и помнили «своих братьев по крови прежде, нежели политических вождей» [2, с. 565]. Всех занимали «общечеловеческие», «общегражданские», но отнюдь не русские чувства и идеи. Русские, по мнению философа, совсем не «испорчены» патриотизмом. Его стыдливо прячут, он слишком совестлив и щекотлив («Обманчивые слова»). Славянофилов отличало на общем тусклом фоне современного им общества сила, сложность, богатство и разнообразие мысли, высокое уважение к Европе и страстная любовь к Родине. В «век разрушения» (XIX в.) они одни продолжали дело царей и мудрецов – строить, созидать [см.: 18, с. 80].

Розанов писал, что отечество любили и некоторые западники. Например, А.И. Герцен. Славянофилы любили Россию, прежде всего, как хранительницу православно-словенских начал. А у Розанова, как известно, было непростое отношение к христианству. Но и в этом случае, как и во всём остальном, философ неоднозначен: в русском православии – сила народная, «сок народный», «дух народный»: «много русского винограда пошло на приготовление вина, кое именуется «Православие»» [1, с. 1898].

В отличие от славянофилов, для Розанова основным метафизическим вопросом был вопрос пола. С его точки зрения, именно пол связывает человека с Богом. Славянофилы обращались не к полу, а к роду: от рода пролегает путь и к космическим высотам, и к метафизическим глубинам.

Все свои произведения славянофилы писали, по мнению Розанова, в том возвышенном состоянии духа, которое М.Ю. Лермонтов воплотил в известном стихотворении «Выхожу один я на дорогу». Философ считал, что в славянофильстве научные объяснения преобладают над догматическими требованиями. В своём дневнике он писал, что славянофильство невозможно изложить в пятикопеечных брошюрах, его нельзя популяризовать, поэтому оно вечно. Это его качество, это культура. Его можно читать в его классиках. Ему можно научиться, но его нельзя «изложить». Вся сила славянофилов заключалась в том, что они, имея против себя всю массу образованного общества, всегда критически относились к содержанию своего учения, постоянно пополняя и очищая его [19, с. 299]. О твёрдость их убеждений и силу преданности как о скалу разбивался любой смех, к которому с само-

го начала прибегали их противники, никогда при этом не предпринимая попытку систематического обсуждения их идей. Однако одним из самых глубоких и любимых исполнителей славянской идеи, по Розанову, был К.Н. Леонтьев. Он сформулировал «великую задачу» – «продлить культурное существование человечества через отсечение славянского мира от очевидно разлагающейся западной культуры» [19, с. 302].

Разложение западного, романо-германского культурно-исторического типа провидел Леонтьев: всё смешивается, все границы разрушаются, и всё становится однородным (например, народ – неустроенной этнографической массой, простой, лишённой внутренней морфологии, пол – средний род и пр.). И осознание этих процессов, с точки зрения Розанова, делает восхищение техническими достижениями Европы, её «усовершенствованиями», всем внешним блеском, богатством, могуществом, жалким и смешным. «Не этим живёт человек, и не этим движутся, крепнут и сохраняются в истории народы» [19, с. 307]. Истинное уважение к Европе, согласно Розанову, заключается в том, чтобы, отрешившись от текущих политических страстей, от всего того, что сделала Европа за последнее время, унести к себе её истинные сокровища, воспитываясь и развиваясь на них.

Мысли Розанова и московских славянофилов иногда поразительно перекликаются, что даёт основание говорить о славянофильстве как о важном источнике мысли Розанова.

Жизнь – ключевая онтологическая и эстетическая категория и у представителей «московской школы», и у Розанова, который призывал восстановить древний, сакральный опыт приобщения к жизни. Согласно Киреевскому, жизнь – статуя Пигмалиона, которая понимает человека, окликает его, но одновременно является произведением его творчества, точнее, жизнетворчества, внешнего творчества, включающего научную и художественную деятельность. Философ поставил вопрос о том, что называть жизнью, чтобы не принять за нее мираж, «калейдоскоп» разнородных масок. Живое – естественное, цельное, в противовес искусственному, разрозненному, мёртвому. Антитеза жизни / смерти пронизывает всю русскую философскую мысль XIX–XX вв. В творчестве Розанова она наиболее полно раскрыта в сопоставлении «рафаэлевского» и «рембрантовского» христианства, христианства рождения и смерти. Жизнь, в понимании философа, есть чадородие.

«Любовь» – главная сила бытия у московских славянофилов [см.: 20] и Розанова. Без любви невозможна подлинная жизнь. Однако если для славянофилов любовь главным образом – религиозно-мистическая сила, связывающая людей в соборность, то для Розанова любовью освящена тема пола. При этом половую любовь философ понимал в самом высоком евангельском значении: «Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете. И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете» [21, с. 179]. Смысл жизни, согласно «коренным» славянофилам, – в «жизненном подвиге». Согласно Розанову, – в исполнении заповеди «чти отца и мать свою», понимаемую как необходимость продолжения рода, потому что «всякая новая жизнь – это новая связь земли и неба» [22, с. 111]. По Розанову, начало жизни – колыбель, выше которой ничего нет. И «каждая новая жизнь вливает в мир каплю *новой* любви – где-нибудь всё же радуются этой колыбельке» [22, с. 111].

Для славянофилов не менее важна была и вера. Жизнь человека без неё не будет иметь никакого смысла [13, с. 334], потому что человек – это его вера как «высшая разумность, живительная для ума» [13, с. 319]. Розанов считал, что вера каждого человека субъективна («Свобода и вера»). При этом он признавал, что «космополитическая» вера есть «чепуха»: вера, будучи из семени... есть и может быть только национальна, только «родная», только «племенная...» [1, с. 1314]. В этом значении вера, в понимание философа, – родовое понятие.

Хомяков, Киреевский рассматривали жизнь не только в онтологическом, но и в гносеологическом аспекте: она не просто условие развития духовного, но «вершина и корень всех отраслей умственного и сердечного знания» [13, с. 89]. Если человек бежит от реальности, то «он будет поэтом, будет историком, разыскателем, философом и только иногда человеком...» [13, с. 88].

Внутренняя жизнь, по славянофилов, начинается со слезной молитвы, молитвенного творчества, «духовного художества», а по «розановски» – со скромности ума, с его «плача» о себе самом. Сердце способно сделать разум зрячим, от него зависит духовная цельность (Киреевский, Хомяков). Хомяков также много размышлял о молитвенном творчестве, которому «нет пределов» и которое неразрывно связано с жизнью [см.: 23, с. 349]. Согласно Розанову «вся тайна православия – в молитве, и тайна быть православным заключается в

умении молиться» [24, с. 293]. И Киреевский, и Розанов отмечали, что в православной церкви нет экзальтации, царит сдержанность, глубокая тишина. Молясь в церкви, русский человек «не кричит от восторга, не бьет себя в грудь, не падает без чувств от умиления», он «старается сохранить трезвый ум» [13, с. 283]. Его «слёзы ... льются незаметно, ... никакое страстное движение не смущает глубиной тишины его внутреннего состояния» [13, с. 283], – это Киреевский. «Существенная черта православия заключается в этом: оно ожидает, оно долго терпит; не проклинает, не ненавидит, не гонит. И наоборот этому внутреннему покою чужда какая-либо экзальтация всем его внешним выражениям: наши храмы никуда не устремляются своими формами, они светлы внутри, порывистость и страстность чужда нашим церковным напевам; и в противоположность всему этому как сумеречны, затемнены католические кафедралы, какая устремленность в готике и тоскующее желание, трудно сдерживаемый порыв в церковном пении...» [19, с. 265], – писал, будто продолжая мысли Киреевского, Розанов.

Славянофилы первыми стали размышлять о русском народном характере.

Этот вопрос был интересен и Розанову. «Дух церкви, ещё библейский на Западе, уже евангельский на Востоке, наложил свою печать и на народные характеры» [19, с. 265]. Он выделил особую черту – органичность, слиянность с окружающей жизнью. Он был согласен с В.О. Ключевским, что в древнерусском обществе особенно развита была любовь к ближнему, понимаемая как подвиг сострадания к страждущему. Человеколюбие понималась как нищелюбие. Нищенство не было бременем, язвой общества, а считалось главным средством воспитания народа. Нищий, убогий был необходим как средство нравственного воспитания. Милостыня была продолжением церковного богослужения. Совесть от постоянного практического осуществления любви к ближнему становилась особенно чувствительной. Но потом начался новый век, который принёс новые потребности – силы, внешнего одоления. Они стали заглушать все иные ростки внутренней жизни. С тех самых пор, по мнению Розанова, мы движемся по линии механического прогресса. «Нам всё ещё кажется, что наши ружья недостаточно стреляют, поезда железных дорог недостаточно быстро движутся... Но наши ли это идеалы? Вечны ли они? Могут ли они насытить сколько-нибудь наше сердце?» [19, с. 456]. Но в конечном счёте не покажется ли такая

жизнь нам могилой? «И древний, *ничего не умеющий* «христолюбец» не покажется ли нам гораздо лучше понявшим смысл жизни, нежели мы со своей техникой, со своим богатством, с тысячей вычурных навыков и ни к чему существенному не ведущих «умений»? Древнерусские христолюбцы не осуждали мир с его радостями и естественными законами, они благословляли мир, созданный Богом.

Самарин отметил, что в Древней Руси многих поражает неопределённость общественных отношений, что эти отношения семейные, они выражались в формуле: кто стар – тот отец, кто млад – брат. Нравственные обязанности, несмотря на раздоры, междоусобицы, угнетения, никогда не возводились на степень юридическую. Народ верил, что со временем нравственный закон проникнет в жизнь и получит такую силу, которая обойдётся без искусственных обязанностей. Самарин считал, что в отсутствие развитой формально-юридической законности в Древней Руси – сознательный отказ от неё, связанный с взысканием Высшего Града, с верой в торжество абсолютного начала любви на земле. По поводу юрицизма рассуждал и Розанов. Основные законы, согласно философу, должны быть не строги, а святы, и народ их должен не бояться, а благоговейно чтить.

Розанов затрагивал и славянский вопрос, который рассматривал в духе московских славянофилов. Славянство, по мнению философа, чище других народов, оно сохраняет ещё приоритет духовных ценностей. Именно славянский мир должен внести в западный раздор начало любви и гармонии. «Россия универсальна в славянстве» [1, с. 2114]. Как и славянофилы Розанов считал, что славяне изменили славянскому духу. Они мало сознают самостоятельную ценность славянского зерна в себе. Славянам не хватает практического начала, они «лентяи и забавники, празднолюбцы и шатуны» [1, с. 2114]. Вместо речей и банкетов необходима постановка славянского вопроса на деловую почву. Необходимо вовлекать славянские народы в совместные хозяйственные, финансовые, культурные проекты, только тогда славянский реализует своё историческое призвание. Однако после большевистского переворота славянские народы былой Руси преобразовались в какое-то «полабское» меньшинство. И всё-таки в одной из своих статей он упоминает стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России».

Особенно близкие взгляды славянофилов и Розанов высказывали по поводу семьи и воспитания. Философы выделяли два пути, два подхода в

воспитании: естественный и искусственный. Искусственный путь – это, по Розанову, воспитание «вне истории, вне жизни». По Розанову, необходимо восстановить древний сакральный опыт приобщения к жизни, тогда воспитание превратится в неотъемлемую, естественную её часть. И славянофилы, и Розанов связывали естественное воспитание с патриархально-семейным началом. Любовь к семье, семейное воспитание – стержень всей воспитательной системы у славянофилов и Розанова. С семьи начинается практическая реализация любви к ближнему. Каждый член семьи не имеет корыстных побуждений, несмотря на то, что постоянно трудится. «Мысли о собственной выгоде совершенно отсекаются от самого корня своих побуждений» [13, с. 284]. Он с радостью готов пожертвовать собою ради другого. Бескорыстие, по Киреевскому, – главная основа семейных отношений, видимое проявление христианской любви. Для Хомякова семья – «круг, в котором осуществляется истинная, человеческая любовь», она «переходит из абстрактного понятия в живое и действительное проявление» [25, с. 250-251], семья – это начало соборности.

Согласно славянофилам, разрушение семейных уз приводит женщину в «заколдованный круг светских обязанностей» [13, с. 285], искусственных отношений. В европейском обществе семья для женщины – дело постороннее. В высшем сословии вошло в моду воспитывать детей вне семьи, мать лишалась «семейного смысла». Московские славянофилы и Розанов обратили внимание на одну и ту же картину – Сикстинскую Мадонну Рафаэля. Но если Киреевский считал, что понять её красоту можно только с «братской нежностью» [13, с. 349], то, согласно Розанову, только через её материнство [см.: 22, с. 111].

Розанов создаёт философию семьи. Согласно ему, семья есть институт иррациональный, мистический, и «дать земле непорочную семью – это значит сделать её раем; внесите «меч и разделение» только в одну семью, и вы превратите всю землю в хаос, залёте кровью, грязью» [22, с. 83]. Брак – таинство. В идеальной семье всё полно тепла, в ней свой собственный свет, своя поэзия, в ней тихо и нет суеты. Таинством названы превращения вчерашнего юноши в отца, вчерашней девушки – в мать.

И Хомяков («О скопцах»), и Розанов («Апокалипсическая секта») резко отрицательно, брезгливо относились к секте скопцов, считали её особенно опасной. Согласно Хомякову, скопчество создаёт

болезненно-фанатическое напряжение, которое приводит к развитию новых страстей, среди которых на первом месте – корыстолюбие». Розанов писал о человекообожествлении в секте, отсюда – знаки необыкновенного почитания хлыстов при встрече друг с другом. Философ писал: «Скопить – это ругаться над природой. Скопчество... есть другой полюс не только христианства, но и всех религий... все человечество, вся тварь Божия должны бы восстать на него и выбросить...» [19, с. 465].

И Розанов, и славянофилы считали, что в основе русского просвещения необходимо лежать отечественный материал. (Кстати, на эту тему пишут и современные авторы [см.: 25].) Особенно актуальны размышления Розанова в современное время: «Наши уставы, как гимназический, так и университетский, суть компиляции из иностранного, и даже проще – перевод с немецкого. Но дело лежит гораздо глубже, потому что и самый материал образования, с которым непосредственно соприкасается детский и отроческий возраст всей страны, есть также не русский в 7/10 своего состава. То есть незаметно и неуклонно мы переделываем саму структуру русской души на манер западной» [26, с. 234-235]. Розанов критиковал славянофилов за недостаточное внимание к вопросу о воспитании. Главная тема Розанова, которая отсутствовала у славянофилов, – развод, который понимался философом как разлом сгнившей семьи, необходимый для нравственного и здорового воспитания детей.

Славянофилам был близок аскетический идеал воспитания. Они считали, что нельзя воспитывать в ребёнке страсть к наживе и торгашеству. У русских простота жизни и простота нужд была не следствием недостатка средств и не следствием неразвития образованности, но требовалась самим характером основного просвещения. Русский аскетический идеал, помогающий преодолеть «тяжесть внешних нужд», безыскусственен, т.е. без искусственности. Он предполагал осознанную простоту жизни. Он не нуждался ни в наружном блеске, ни в мишуре, которые порождали своекорыстные стремления. Так, например, в русских духовных стихах высока оценка нищенства и бедности. Строй ума у ребенка, которого первые слова были Бог, тятя, мама, будет не таков, как у ребёнка, которого первые слова были деньги, наряд или выгода. Философы решительно восставали против создания для ребёнка «искусственного комфорта», «художественной изнеженности», умышленности жизни. Всё это, безусловно,

было близко и Розанову. И славянофилы, и Розанов писали о том, что в европейском обществе семья для женщины – дело постороннее, на первый план выходят «долговые обязательства, неоплаченные векселя и пр.» [22, с. 91].

И славянофилы, и Розанов – литературные критики, и, безусловно, было бы интересно сравнить их отношение к творчеству А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, но это тема будущей статьи.

На основании проведённого анализа можно сделать вывод: Розанов вырос из славянофильства.

Идеи представителей «московской школы» стали органичной частью его философских построений. В этом едином интеллектуальном поле шёл непрерывный диалог Розанова со славянофилами. Для Розанова также важен историко-литературный контекст эпохи Серебряного века, в котором личный опыт философа был неразрывно сопряжён с реальным пульсом эпохи Серебряного века. Всё это наклало свой отпечаток на разнородные оценки наследия славянофилов, при безусловном признании большого значения их творчества для России.

Список литературы:

1. Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008.
2. Розанов В.В. Полн. собр. соч. в 35 т. Т. 1. О писательстве и писателях: Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Статьи 1889-1990 гг. СПб.: Росток, 2014.
3. Розанов В.В. И.В. Киреевский и Герцен // Новое время. 1911. 12 февраля. № 12544.
4. Розанов В.В. Памяти А.С. Хомякова (1-е мая 1804 г. – 1-е мая 1901 г.) // Новый путь. 1904. № 6. С. 1-16.
5. Розанов В.В. Собр. соч. в 27 т. Т. 5. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 419-428.
6. Розанов В.В. Поминки по славянофильству и славянофилам // Новое время. 1904. 21 мая.
7. Розанов В.В. Собр. соч. в 27 т. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М.: Республика, 1996. С. 447-454.
8. Варварин В. А.С. Хомяков: К 50-летию со дня кончины его (23 сентября 1860 – 23 сентября 1910) // Русское слово. 1910. 23 сентября.
9. Розанов В.В. Собр. соч. в 27 т. Т. 4. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 456-466.
10. Розанов В.В. Хомяков на испанском языке // Новое время. 1912. 30 сентября.
11. Розанов В.В. Важные труды о Хомякове // Новое время. 1916. 12 октября.
12. Розанов В.В. П.А. Флоренский об А.С. Хомякове // Колокол. 1916. 14 и 22 октября.
13. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.
14. Киреевский И.В. Письмо от 6 июля 1833 или 1834 гг. // Киреевский И.В., Киреевский П.В. Полн. собр. соч. в 4 т. Калуга, 2006. Т. 3.
15. Федякин С.Р. Художественная проза Василия Розанова. Жанровые особенности. М., 2014.
16. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
17. Розанов В.В. Миниатюры. М., 2004.
18. Розанов В.В. Мимолётное. М., 1994.
19. Розанов В.В. «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского и другие статьи: 1891-1892. М.: Прогресс-Плеяда, 2013.
20. Киреевский И.В. Дневник. РГАЛИ Ф. 236 Оп. 1 Ед. хр. 10.
21. Розанов В.В. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2.
22. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. М., 2004.
23. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. в 8 т. М., 1904. Т. 8.
24. Розанов В.В. Соч. в 2 т. Религия и культура. М.: Правда, 1990. Т. 1.
25. Гусев Д.А. Мировоззренческая ориентация преподавателя социально-гуманитарных дисциплин в образовательном процессе // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 4(7). С. 62-69.
26. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990.

References (transliteration):

1. Rozanovskaya entsiklopediya. M.: ROSSPEN, 2008.
2. Rozanov V.V. Poln. sobr. soch. v 35 t. T. 1. O pisatel'stve i pisatelyakh: Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Stat'i 1889-1990 gg. SPb.: Rostok, 2014.
3. Rozanov V.V. I.V. Kireevskii i Gertsen // Novoe vremya. 1911. 12 fevralya. № 12544.
4. Rozanov V.V. Pamyati A.S. Khomyakova (1-e maya 1804 g. – 1-e maya 1901 g.) // Novyi put'. 1904. № 6 S. 1-16.
5. Rozanov V.V. Sobr. soch. v 27 t. T. 5. Okolo tserkovnykh sten. M.: Respublika, 1995. S. 419-428.
6. Rozanov V.V. Pominki po slavyanofil'stve i slavyanofilam // Novoe vremya. 1904. 21 maya.
7. Rozanov V.V. Sobr. soch. v 27 t. T. 7. Legenda o Velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo. M.: Respublika, 1996. S. 447-454.
8. Varvarin V. A.S. Khomyakov: K 50-letiyu so dnya konchiny ego (23 sentyabrya 1860 – 23 sentyabrya 1910) // Russkoe slovo. 1910. 23 sentyabrya.

9. Rozanov V.V. *Sobr. soch. v 27 t. T. 4. O pisatel'stve i pisatelyakh.* M.: Respublika, 1995. S. 456-466.
10. Rozanov V.V. *Khomyakov na ispanskom yazyke // Novoe vremya.* 1912. 30 sentyabrya.
11. Rozanov V.V. *Vazhnye trudy o Khomyakove // Novoe vremya.* 1916. 12 oktyabrya.
12. Rozanov V.V. P.A. *Florenskii ob A.S. Khomyakove // Kolokol.* 1916. 14 i 22 oktyabrya.
13. Kireevskii I.V. *Kritika i estetika.* M., 1979.
14. Kireevskii I.V. *Pis'mo ot 6 iyulya 1833 ili 1834 gg. // Kireevskii I.V., Kireevskii P.V. Poln. sobr. soch. v 4 t. Kaluga, 2006. T. 3.*
15. Fedyakin S.R. *Khudozhestvennaya proza Vasiliya Rozanova. Zhanrovye osobennosti.* M., 2014.
16. Losev A.F. *Muzyka kak predmet logiki // Losev A.F. Iz rannikh proizvedenii.* M.: Pravda, 1990.
17. Rozanov V.V. *Miniatyury.* M., 2004.
18. Rozanov V.V. *Mimoletnoe.* M., 1994.
19. Rozanov V.V. «*Legenda o Velikom Inkvizitore*» F.M. Dostoevskogo i drugie stat'i: 1891-1892. M.: Progress-Pleyada, 2013.
20. Kireevskii I.V. *Dnevnik. RGALI F. 236 Op. 1 Ed. khr. 10.*
21. Rozanov V.V. *Soch. v 2 t. M., 1990. T. 2.*
22. Rozanov V.V. *Semeinyi vopros v Rossii.* M., 2004.
23. Khomyakov A.S. *Poln. sobr. soch. v 8 t. M., 1904. T. 8.*
24. Rozanov V.V. *Soch. v 2 t. Religiya i kul'tura.* M.: Pravda, 1990. T. 1.
25. Gusev D.A. *Mirovozzrencheskaya orientatsiya prepodavatelya sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin v obrazovatel'nom protsesse // Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii.* 2014. № 4(7). S. 62-69.
26. Rozanov V.V. *Sumerki prosveshcheniya.* M., 1990.